

В 1994–1997 годах при раскопках на месте бывшего симбирского Покровского монастыря из земли было извлечено несколько десятков старинных надгробий с сохранившимися именами симбирян из хорошо известных дворянских фамилий. В их числе Языковы, Порошины, Юрловы, Поливановы и другие.

ПОКРОВСКИЙ НЕКРОПОЛЬ

К наиболее интересным и неожиданным находкам тех лет можно отнести надгробия с могил братьев Обресковых – генерала от инфантерии А.В. Обрескова (1757–1812) и тайного советника Н.В. Обрескова (1764–1817); симбирского оберфоршмейстера Н.Б. Зимнинского (1759–1807); богатой помещицы А.А. Репёвой, урождённой Анненковой (1750–1827); жены поручика гвардии Е.Д. Мельгуновой, урождённой Кротковой (1811–1836).

В ходе раскопок, произведённых на бывшем монастырском кладбище весной 2008 года, было обнаружено ещё несколько старинных надгробных памятников. Это позволило дополнить ранее составленные списки похороненных здесь симбирян рядом новых фамилий. Среди них симбирский вице-губернатор Н.А. Попов (1814–1861), самарский купец И.Б. Крюков (?–1810), местный помещик В.И. Полочанинов (1801–1858), его сын, офицер Черноморского флота И.В. Полочанинов (1831–1856). Здесь покоится много славных и достойных симбирян, но надгробия хранят под собой и совсем иные истории жизни.

Особое внимание обращает на себя памятник в виде саркофага из глыбы «белого вятского камня» (опоки) – одно из изделий мастеров слободы Кукарка (Вятской губернии). Судя по форме этого надгробия и характеру украшающих его барельефов, оно было заказано для кого-то из монахов Покровского обители, но затем, «по особому случаю», наспех приспособлено для погребения весьма далёкого от истинного христианского благочестия симбирского дворянина Ивана Сергеевича Нездина (1759–

1830). Бывший симбирский соляной пристав, надворный советник Иван Нездин после выхода в отставку перебрался на постоянное жительство в своё родовое имение, село Загарино Сызранского уезда, где намеревался в достатке и спокойствии провести последние годы. Неожиданную и явно нежелательную славу ему принесло, казалось бы, самое заурядное для той эпохи событие. В 1826 году он приказал выпороть за какую-то провинность нескольких своих крепостных крестьян, после чего один из них, Захар Герасимов, вскоре умер, а беременная Дарья Матвеева преждевременно родила мёртвого младенца. Через 18 дней после происшествия по доносу на Нездина в село Загарино прибыл лекарь Барановский, который поговорив с владельцем имения, сразу во всём разобрался и указал в рапорте, что несчастья, приключившиеся с загаринскими крестьянами, связаны вовсе не с экзекуцией, а с собственной их неосторожностью и всякими застарелыми скрытыми болезнями. На основании такого заключения Карсунский уездный суд, а затем и Симбирская палата уголовного суда признали И.С. Нездина невиновным, а «несчастный случай» в Загарине решили оставить вообще без последствий – «предать Воле Божьей». Однако замять это дело местным властям тогда не удалось. Неизвестно, каким образом оно попало в Сенат, где рассматривалось в 1827–1828 годах. Решением Сенатского суда «оставшегося в сильном подозрении» надворного советника Нездина «для очищения его совести» передали в руки церковных властей. Церковный суд в 1829 году всё-таки признал его

частично виновным и приговорил к церковному покаянию в течение 5 лет. Согласно наложенной на него епитимье, Нездин был обязан жить при симбирском Покровском монастыре, где ему надлежало прийти к раскаянию. В соответствии с таким решением суда наш «герой» с 3 февраля 1830 года действительно находился в Симбирске при Покровском мужском монастыре, где, по словам архимандрита Серафима, отбывал наказание «с благодушием и примерной кроткостью». Видимо, именно за «благодушие и кроткость» его досрочно, через шесть месяцев отпустили из монастыря домой, в Сызранский уезд. Это произошло 16 июля 1830 года. Освободившись от церковной опеки, Нездин немедленно начал разъезжать по Симбирску с визитами к начальству и знакомым. С этих-то визитов и начался большой симбирский загул «раскаявшегося грешника» – грандиозный праздник по случаю его «чудесного избавления». Несмотря на летнюю жару и преклонный возраст, Иван Сергеевич буквально ни на минуту не выпускал из рук рюмки. Находясь постоянно в возбуждённом состоянии, он утверждал, что ничем не запятнал дворянской чести, перечислял незаслуженно причинённые ему обиды и унижения, грозил беспощадно расправиться с врагами, а для начала собирался перепороть всех своих крестьян – отменных лодырей, ябедников и мерзавцев.

Двухнедельное беспорядное пьянство завершилось тем, чего и следовало ожидать. Так и не успев выехать из Симбирска к себе в имение, помещик Нездин «сделался болен горячкою», от которой и скончался 29 июля 1830 года. Событие это не осталось без внимания симбирской публики. В городе все только и говорили о справедливости Суда Божьего, который иногда бывает ещё и весьма своевременным. Местное начальство было вынуждено принять самые строгие меры к недопущению распространения подобных «вздорных и вредных слухов». А настоятелю Покровского монастыря архимандриту Серафиму не оставалось ничего другого, как побыстрее забрать покойника к себе в обитель, где на третий день без лишнего шума был совершён обряд погребения.

Алексей Сытин
Фото автора